

www.eot.su

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный), podpisika@eot.su

Оглавление

Колонка главного редактора	3
Нацизм-2014	4
Метафизическая война	15
Судьба гуманизма в XXI столетии	16

*ОГЛАВЛЕНИЕ***Классическая война**

2

96

Русский героизм. Ключевые определения

97

Колонка главного редактора

Нацизм-2014

Русские и пророссийские антикоммунистические националисты, ещё вчера почём зря поносившие Ленина, рискуя жизнью, защищают его памятники от озверевших представителей нацизма-2014. Сионисты, проклиниавшие русский фашизм, заявляют по телевидению о том, что пошлют батальоны добровольцев для борьбы с нацизмом-2014

Я помню, как праздновалось 9 Мая в советское время. Этот праздник был пронизан глубокой искренней теплотой, подлинной благодарностью к героям. А ещё он был пронизан своеобразной успокоительностью. Все

были уверены, что нацистская гадина никогда снова не заползёт на нашу родную землю.

Праздник, священный до перестройки и развала СССР, фактически остался таким же после 1991 года. Либералы пытались пересмотреть роль Сталина в великой Победе. Но на саму Победу посягали немногие. Это было скорее уделом легализовавшихся нацистских подонков. Таких, как Просвиригин.

Вскоре стало ясно, что тезис «народ победил вопреки Сталину» отторгается. Отторгался он и при Хрущёве, который впервые соорудил нечто подобное.

Моя мать, Сталина никогда не любившая, говорила о том, как страшно было в Москве в октябрьские дни 1941 года и как все поверили в победу после того, как стало ясно, что Сталин остался в Москве. Итак, подкапываясь в той или иной степени под роль Стала-

лина в великой Победе, наши постсоветские начальники никогда не решались начать серьёзную войну с Победой как таковой. И потому День Победы оказался праздником, объединяющим разные слои населения, разные идеологические группы, а в какой-то степени — и разные постсоветские территории.

При этом он оставался праздником, в котором сливались воедино чувство успокоенности и чувство восхищения предками, героями-победителями. Эти чувства стали сливаться воедино вскоре после конца Великой Отечественной войны. Рискну утверждать, что, уже начиная с 1954 года и вплоть до 2014 года, то есть в течение 60 лет, праздник Победы был наполнен особым успокоительным смыслом. Что в течение 60 лет те, кто праздновал День Победы, были уверены, что нацистская гадина никогда не вер-

нётся снова на нашу многострадальную землю. И вот она вернулась, эта гадина. Вернулась в 2014 году. Пока она вернулась на землю Украины. Землю страны, внёсшей огромный вклад в Победу, претерпевшей страшные муки от нацистов и их прихвостней, бандеровских полицаев. Но это только пока.

9 мая 2014 года... Украина, в существенной степени оккупированная бандеровцами, не будет официально праздновать этот великий день. В определённых частях Украины этот праздник придётся отмечать подпольно или полуподпольно. С одной стороны, это ужасно. С другой стороны, теряя успокоительность, этот праздник может приобрести боевой характер, столь необходимый для нас сегодня. Удастся ли нам придать ему такой характер? Хватит ли на это организационного таланта, культурной тонкости, боевитости,

силы духа? Ведь теперь совершенно ясно, что с нацизмом снова придётся воевать.

А может, кому-то и сейчас это не вполне ясно? Может быть, кто-то и сейчас скажет, что зверства украинского нацизма-2014 — это выдумки кремлёвских пропагандистов? Может быть, кто-то и сейчас начнёт хихикать: «Да какой там неонацизм, хи-хи, что вы такое, ха-ха, несёте?»

Двадцать три года назад я написал книгу «Постперестройка». Эта книга была издана в «Политиздате» незадолго до распада СССР. В книге были приведены доказательства того, что распад СССР неизбежно приведёт к тому, что неонацизм перестанет быть на Западе гонимым политическим аутсайдером. И постепенно станет сначала одной из допустимых серьёзных сил, а потом и политическим лидером.

«Хотите ли вы этого?» — спрашивал я тогда всех западных интеллектуалов и политиков. В том числе представителей Израиля, членов различных крупных антифашистских западных обществ и так далее.

Почти все пожимали плечами и говорили, что это невозможно. Очень немногие отнеслись к этому всерьёз. Кое-кто даже пытался уговорить Буша-старшего отказаться от добивания СССР. Были и те, кто пытался уговорить Клинтона не сопротивляться восстановлению СССР. Но, повторяю, большинство было твёрдо уверено, что легализация неонацизма и превращение его сначала в крупную, а потом и в лидирующую западную политическую силу совершенно исключено. Так отнеслись к моим предупреждениям серьёзные эксперты из других стран. А наши либеральные интеллигенты, включая тех, чьи

родственники были нацистскими жертвами? Они просто хихикали и хахакали.

И вот нацисты — не во время Великой Отечественной, а через 59 лет после её окончания — сожгли заживо своих сограждан. Где? В городе Одессе. За что? За мирное выражение своих симпатий к России. Они сожгли заживо не только мужчин, в принципе способных — когда-нибудь, в каких-то иных условиях! — оказать им полноценное сопротивление. Бандеровские монстры жгли женщин, детей, стариков... Очевидцы говорят, что и беременную женщину они сожгли, ничтоже сумняшеся. Стоп. А разве в ходе Великой Отечественной войны не совершали в точности того же самого те, кто для нынешних последователей Бандеры является героями и святыми?

Конечно, совершали. Запирали в сарай тех, кто жил в соседних сёлах или даже в

своём селе. Запирали всех — детей, женщин, стариков. Обливали сарай бензином. И с наслаждением слушали вопли жертв.

Разве этого не было? Это было. И ровно то же самое повторилось перед 9 мая — где? В Одессе. В этом городе-герое. В этом городе, являющимся нарицательным в плане всего, что касается шутливости, человечности, взаимопонимания, особо тёплого отношения к обычным житейским радостям. Да, всё это не помешало жителям Одессы стать героями в ходе Великой Отечественной войны. Но кончилась война — и снова воцарилась та тёплая миролюбивая и душевно щедрая жизнь, которой все мы умилялись, приезжая в Одессу.

Нацизм-2014... Из ада вынырнули монстры... Они пожаловали на одесскую землю и со смаком повторили то, что вытворяли их предшественники. То, что потом состави-

ло содержание обвинений в Нюрнберге. Содержание обвинений, на основе которых десятилетиями разыскивали и находили военных преступников для того, чтобы их повесить или расстрелять.

Ну, так как же быть с рассуждениями о том, что скорее, ха-ха-ха..., чем это придёт... хи-хи... Оно уже пришло.

Нацизм-2014 в чём-то похож на нацизм-1933. Ведь и тогда кто-то сначала хахакал и хихикал по поводу возможности прихода Гитлера. А потом призывал противников Гитлера не заниматься пропагандой и не рассказывать каких-то чудовищных невозможных историй по поводу того, что европейски образованные люди организуют душегубки, используют тела людей как сырьё для производства мыла и прочих сходных необходимых продуктов: «Да что это вы такое, ха-ха-ха, говори-

те!»

Антинацизм-2014... Русские и пророссийские антикоммунистические националисты, ещё вчера почём зря поносившие Ленина, рискуя жизнью, защищают его памятники от озверевших представителей нацизма-2014. Сионисты, проклинающие русский фашизм, заявляют по телевидению о том, что пошлют батальоны добровольцев для борьбы с нацизмом-2014. В том числе и для освобождения из тюрем лиц, входящих в радикально-русские партии. 9 Мая становится нашим боевым праздником. И да будет так!

До встречи в СССР!

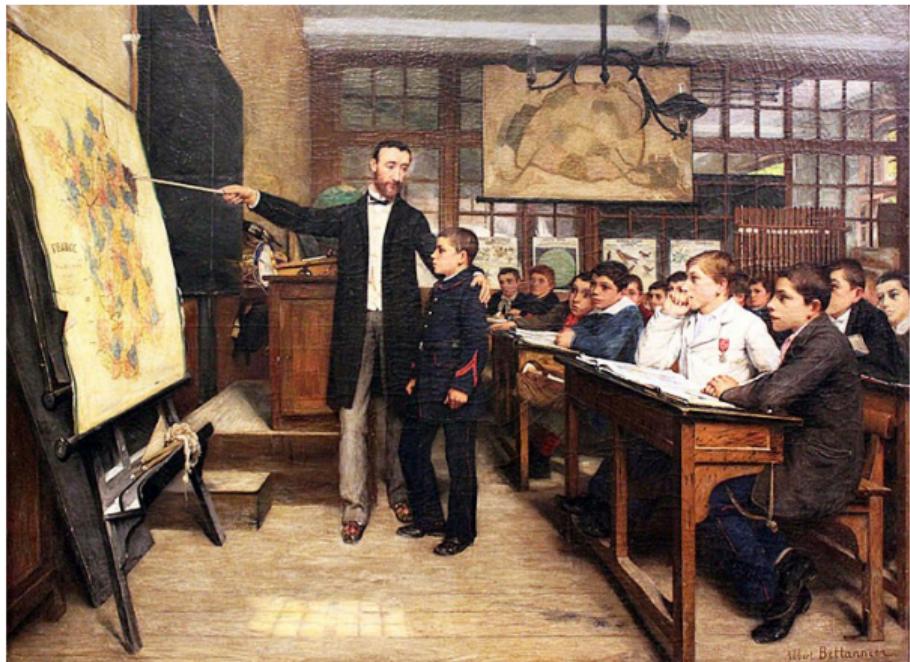
Сергей Кургинян

Метафизическая война

Судьба гуманизма в XXI столетии

Реальный смысл русского коммунизма состоит в том, что в XX веке русский народ получил из рук коммунистов высокую антибуржуазную культуру и, вооружившись ею, был готов к войне с фашистским антисоветизмом. А народы Запада оказались умеренно отчуж-

дены от своей буржуазной культуры, которая в силу этой буржуазности не могла сопротивляться соблазнам фашистской дегуманизации

Альберт Бетанье, Тёмное пятно. 1887 (об аннексии Германией Эльзас-Лотарингии в результате франко-пруссской войны)

Ельцин хотел с помощью государства впечатать в общественную жизнь чужие константы. Ельцин оформлял не геополитическое, а иное поражение — поражение абсолютное. И государство под названием РФ было для него средством оформления такого поражения. Фиктивный суверенитет государства нужен был для уничтожения реального, хотя и остаточного суверенитета общества.

И не Ельцин тут был последней инстанцией. Не он и не Запад. Последней инстанцией была позднесоветская элита предателей, элита идеологических, социальных и метафизических мутантов. Этим мутантам, взращённым в ретортах элитного, внутреннего круга КГБ (прошу не путать с КГБ как структурой, где работало много честных людей), нужно было подвести черту под исторической жизнью России.

И тут нужно отдавать себе отчёт в том, каково содержание этой исторической жизни. Содержанием же этой жизни является спасение другого Запада от поглощения тем Западом, которым является классическая Европа и её позднее больное дитя под названием США. Россия всегда хотела быть фундаментально другим Западом. Она невероятно остро ощущала необходимость этого другого Запада. То есть она ощущала сразу и тлетворность Запада основного, и беспредельную губительность ухода вместе с этим тлетворным Западом всего западного начала. То есть того начала, которое породило и историю, и развитие.

Россия хотела спасать историю, спасать развитие... от чего? И от той скверны, которую поселял в историю и развитие основной Запад. И от Востока, отрицающего фун-

даментальность истории и развития. Востока, готового копировать западную историчность и западное развитие, но не имеющего ни возможности, ни желания развертывать собственную глобальную модель историчности, собственную глобальную модель развития. В самом деле, зачем? Для Востока есть штуки поважнее историчности и развития. Да и какая историчность, какое развитие, помилуйте! Жизнь вообще не так ценна, чтобы влюбляться в историчность и развитие. Кроме того, историчность, да и развитие вообще — это химеры. Всё подчинено вечным циклам... А также неукротимому наращиванию всяческой энтропии, достигающему максимума, после чего всё возвращается на круги своя.

Восток способен даже восхвалять это вечное возвращение. Но он осознаёт всю лицемерность своих восхвалений. Потому что в

этом вечном возвращении есть та тоска, освободиться от которой можно, только освободившись от жизни вообще. А заодно освободившись и от развития, и от истории...

На уровне историософском мы здесь сталкиваемся с тем, что в ином обличии было явлено нам украинскими событиями. Надежда на государство... Отказ от гражданственности как спасительного дозированного недоверия к государству (хотим верить, что оно нас спасёт, но вдруг не спасёт?)... И крах общества вместе с крахом государства. Это — формула украинских событий.

А теперь — формула историософского западничества. Доверяем основному Западу всё, что связано с историей и развитием... Отказываемся от собственной самости в том, что касается этого... Идём за Западом, лишаясь спасительного дозированного недоверия

к нему (а ну как он погубит всё, что связано с историей и развитием)... Потом Запад реально губит всё, что связано с историей и развитием. А мы, лишившись спасительного дозированного недоверия к этому основному Западу, лишаемся истории и развития. И либо растворяемся в восточном начале, которое лишено и истории, и развития, и историософской окончательной воли к жизни (да так ли она ценна, эта жизнь?)... Либо просто теряем человеческую сущность и вместе с нею — всяческую способность противостоять духу абсолютного небытия.

Так доверяем ли мы основному Западу, то есть сегодняшнему евроатлантическому сообществу, явно возглавляемому Соединёнными Штатами Америки, верховенство в том, что касается сохранения историчности мира и способности мира к развитию? Ведь дело же

не в том, что мы, то есть Россия, хотим рулить, господствовать, а то и порабощать этот Запад. Да, мы хотим, чтобы этот Запад нас не порабощал. Но после чудовищной катастрофы 1991 года и двадцати трёх лет последовавшего за этим регресса нам, видит бог, есть чем заниматься, помимо прокладывания миру новых путей в неведомое. Да и готов ли мир к тому, чтобы мы ему прокладывали пути? Ведь мы и сами к этому в высшей степени не готовы. Что же касается мира, то его часть, которая доверяла СССР и верила, что коммунизм — светлое будущее всего человечества, потеряла к нам доверие после того, как мы (я имею в виду реальное государство под названием Российская Федерация) не только проиграли США, но и вопиющим образом отказались от своей советской коммунистической идентичности.

Есть люди и на Западе, и на Востоке, которые мечтают о возрождении этой идентичности. Кстати, зачастую они молоды и достаточно образованы. Но их не так много. Очень многие присягнули буржуазности как таковой в её нынешнем существенно постмодернистском варианте. И либо ориентированы на победу в конкуренции между своей и чужой буржуазией (именно на это, кстати, ориентирована большая часть населения Китая, Вьетнама, Индии и т.д.), либо ориентированы на вписывание в формирующееся глобальное государство.

В любом случае, русское мессианство поневоле невозможно. И даже постыдно. Мессианством поневоле является запоздалое обнаружение некими отнюдь не коммунистическими русскими государственниками того, что я называю «обстоятельством омега». То

есть того, что Запад хочет только окончательного расчленения российского государства, окончательного решения русского вопроса и так далее. Полноценного вторжения «обстоятельства омега» в умы наших, отнюдь не ориентированных на национальную измену, «лиц, принимающих госрешения», до сих пор не произошло. Притом, что это обстоятельство теперь уже абсолютно очевидно не только для меня и моих соратников, но и для всех, кто не приносит реальность в жертву какой-то своей сверхценной идеи. Ну так вот...

Эта сверхценная идея существует. Причём налицо даже не одна сверхценная идея, а две.

Сверхценная идея № 1 — западничество. Это идея, поразительным образом унаследованная нашими западниками, принимающими госрешения, у романовской аристократии.

Вновь подчеркну, что я имею в виду не тех западников, которые нацелены на госизмену и на обеспечение поглощения России Западом. Нет, я имею в виду именно тех западников, которые грезят мощью и усилением России, в том числе и добавлением к нынешней страшно искромсанной России её исконных территорий. Таких, как Крым. Именно эти западники хотят и дружбы с Западом, который их приговорил, и воспроизведения в России некоего западного благолепия. Наряду с этим они, конечно, хотят и вписывания в западную элиту, и причастности к особому западному элитному роскошному образу жизни (тут и западные счета, и западная собственность, и многое другое). Но главное даже не это. Главное — чтобы в России наконец-то всё происходило на западный манер. А должно всё происходить на западный манер потому, что это отве-

чает а) аксиоме добра и б) даже аксиоме спасения. Западный путь — единственно добр и единственно спасителен. Надо идти этим путём, а не грезить о каком-то своём особом пути.

А поскольку особый путь, которым пойдёт одна страна с населением меньше 150 миллионов, и впрямь невозможен, то эти западники просто разводят руками. И говорят: «Кому мы нужны с каким-то другим путём чуть ли не для всего человечества! Ну если такая пиар-технология укрепит государственную целостность и воодушевит народ, то признаем её дозированную риторическую допустимость. Но всерьёз об этом грезить и это осуществлять... Извините! Мы просто не понимаем, о чём идёт речь, что тут может быть, и это всё нам глубоко чуждо».

Сверхценная идея № 2 — буржуазность.

Наши западники-государственники, мечтающие о величии России и даже о расширении её территории, проникнуты священной верой в буржуазный уклад жизни. Этот уклад они считают единственным морально оправданным, а в чём-то даже и спасительным по самому крупному — метафизическому, прошу прощения — счёту.

Поскольку ядовитая, прожорливая и цепкая буржуазность действительно проникла за эти двадцать три года во все клетки реально-го российского общества, то наши западники-государственники, они же буржуазные госу-дарственники опять же недоумевают: «Изви-ните! Как вы предлагаете всё это сворачи-вать? И кто это будет сворачивать? И зачем? Мы уж точно не будем! И потому, что мы любим — да-да, представьте себе, любим — именно этот уклад. И потому, что мы умеем

управлять той жизнью, которая сложилась, и совершенно не умеем осуществлять кардинальные изменения всего жизненного уклада. Это неумение, помноженное на нежелание, на чёткое отношение к тому, что есть, как к добруму и спасительному, носит неотменяемый характер. Россия будет и западнической, и буржуазной (то есть нынешней), и великой. А все, кто считает иначе, — либо враги, либо, в лучшем случае, временные попутчики. С которыми можно объединиться в пике обострения отношений с Западом, но не более того».

Так это всё обстояло буквально до последних месяцев. Когда вдруг обнаружилось, что США обуреваемы стремлением навязать России жесточайшую холодную войну. Что они нацелены на категорический демонтаж путинского руководства. А значит, и всей национально-буржуазной западнической эли-

ты, настроенной патриотически и великодержавно. И вот тут-то ребром встал вопрос о третьей редакции постсоветской государственности.

Кстати, во Франции — этой цитадели западничества и буржуазности — никто не стеснялся таких редакций. Была и Четвёртая Республика, и Пятая, так ведь? И никто в обморок от этого не падал. То, что я обсуждаю, связано не с новой Конституцией и новой Республикой, а с новой концепцией государственности, новой государственной стратегией и так далее.

Первая редакция постсоветской российской государственности — ельцинская. Тут государственность нужна, как я уже говорил, для того, чтобы любой ценой залезть в европейское лоно. Да-да, именно любой ценой — хоть бы и по частям, но залезть. Кстати, ран-

ний путинизм не противоречит радикальным образом этой редакции. «Берегите Россию», — говорил Ельцин Путину. Какую Россию? Ту, ельцинскую, которая должна быть правильным образом размещена во чреве западного кита. Уже на раннем этапе оказалось, что Путин хотел бы разместить в этом чреве сразу всю Россию целиком. И что он убеждён в возможности подобного размещения. Путин сохранял эту убеждённость вплоть до речи в Мюнхене, в преддверии которой был выдвинут ультиматум: «Кромсайте территорию, или мы вас от своего чрева отторгнем». Подлинное содержание мюнхенской речи Путина: «Фиг вам, а не расчленение». За этой речью последовали все события 2008 года.

Вторая редакция постсоветской российской государственности — это полноценный путинизм. Он сформировался после 2008 го-

да, то есть в период, когда формальным главой российского государства был Д.А. Медведев. Формировался он под причитания «медведевцев» о необходимости радикальной десоветизации. Причём десоветизация качественно большей, чем та, которая проходила при Ельцине. То, что такая десоветизация может быть только прологом к расчленению страны, к Нюрнбергскому процессу над russkimi, а не советскими преступниками (поскольку советских к тому моменту уже не было у власти аж двадцать лет), могло быть более очевидным для одних и менее очевидным для других. Как бы там ни было, победа народного большинства зимой 2011–2012 годов, маркируемая Поклонной горой, означала дооформление зрелого путинизма. То есть идеологии отдельного от Запада, но предельно дружественного Западу существования.

вания России.

Тут одинаково важны и отдельность от Запада, породившая практику разного рода союзов: Таможенного, Евразийского и так далее, — и дружественность Западу. Россия идёт тем же курсом, что и Запад. Она постоянно сверяет с ним часы, но она идёт отдельно от него, и даже наращивая свою мощь.

Две сверхценные идеи которые я описал выше, порождали в мозгу тех, кто принимал решения с позиций национально-государственных интересов, уверенность в несомненной возможности такого зрелого путинизма, он же вторая редакция постсоветской российской государственности.

«Акт Магнитского» стал порождать сомнения в такой возможности у тех, для кого две сверхценные идеи, обсуждённые мною выше, составляют абсолютное жизнен-

ное кредо. «Закон Димы Яковлева», принятый под влиянием определённых сил, выражающих интересы народного большинства, стал постепенно превращаться в некий слабо оформленный традиционализм. Тут-то и выяснилось, что на Западе отношение к традиционализму весьма и весьма сложное. При том что речь шла о традиционализме в классически западническом понимании. То есть о защите буржуазных ценностей в том их варианте, который предлагал классический проект «Модерн», сочетающий в себе, как мы знаем, и светские, и моральные традиционные ценности (семейные, гендерные, культурные и другие).

Но никакого развода с Западом тогда не произошло. С Западом немного поругались по принципу «милье бранятся — только тешатся». Поругавшись, стали мириться и бод-

ро идти вслед за Западом, руководствуясь новой редакцией постсоветской государственности, согласно которой мы плывём на своём корабле, но западным курсом. Чуть-чуть огрызаемся, но не более того.

Такая вторая редакция постсоветской государственности сохраняла внутреннюю логику вплоть до событий в Сирии. Потому что курс Запада, то есть курс США и его европейских сателлитов, он же курс формирующегося глобального государства, предполагал следующее.

Каждый несогласный с этим курсом или просто ненужный субъекту, проводящему этот курс (причём ненужный по самым разным причинам), подвергается последовательно нарастающим экзекуциям.

Сначала против власти в государстве, почему-то не согласном с курсом или ненуж-

ном, осуществляется мягкая экзекуция, она же мягкая оранжевая революция. Оппозицию, которая существует всегда, подпитывают деньгами и выводят на улицу. Вышедшие на улицу именуются народом — конечно же, совершенно необоснованно. Власти говорят: «Видите, народ вами недоволен. Значит, вы нелегитимны. А раз нелегитимны, то уходите». Покорно ушедших лишают части денежных накоплений и, возможно, даже сажают за решётку. Но это делают в относительно мягким стиле.

Если власть огрызается и, ссылаясь на то, что она демократически избрана, подавляет противоправное поведение оппозиции, ей присваивают статус тиранической власти. А оппозиции, кроме денежной и информационной поддержки, обеспечивают ещё и мягкую военную поддержку.

Если власть оказывается достаточно дееспособной в военном плане, то начинаются натовские бомбардировки. Современная авиация в состоянии истребить всю технику и живую силу противника. Кроме силы рассредоточенной, партизанской (то есть ушедшей в труднодоступные регионы) или подпольной (упрятанной в населённых пунктах). Отразить натовские бомбардировки может только страна, обладающая сильной авиацией, сильной ПВО и готовая всё это применить против Запада. Во-первых, таких стран мало. Во-вторых, часть из этих стран не готова к подобному далеко идущему развороту событий. И в-третьих, все понимают, что главный и ещё не задействованный козырь Запада — это ядерное оружие.

Разработав эту незамысловатую концепцию, Запад (то есть — повторю ещё раз —

США и их сателлиты) считал себя властелином мира. Конечно, имел место ряд проблем. Как, например, разбираться с Китаем или даже Индией? Как разбираться с миллиардом исламского населения, которое готово к исступлённой партизанско-подпольной войне? Но такого рода разбирательства планировалось осуществлять в районе 2020 года. А до этого нужно было сожрать всё легко сжираемое. То есть существенную часть человечества.

Сирия вдруг стала препятствием на пути самой этой концепции Запада: «Поднимаем против Асада оппозицию. Говорим, что поднялся народ. А он не уходит. Вооружаем оппозицию, а он её побеждает. Окей, готовимся бомбардировать. И тут, откуда ни возьмись, вылезают разгромленные, раздавленные русские и заявляют о том, что они включат все

свои ресурсы — и ПВО, и вооружённые силы — против нас. А русские — это, между прочим, обладатели советского ядерного наследства, которое мы им опрометчиво оставили. И что прикажете делать?»

В итоге как бы договорились о компромиссе: Асад отказывается от химического оружия, а американцы — от бомбардировок. Но это был компромисс, который вызвал невероятную ярость американцев. Наши патриотически настроенные буржуазные государственники-западники, обладающие двумя сверхидеями, о которых я говорил выше, не ощутили масштаба этой ярости. То ли по причине наличия этих сверхидей, порождающих защитные механизмы, то ли по другим причинам. И занялись Олимпиадой в Сочи. Пока они занимались Олимпиадой в Сочи, американцы занимались Украиной. В

итоге оказалось, что омерзительный, кровавый неонацистский мятеж, сооружённый американцами, имеет своей конечной целью вышвыривание русских из Севастополя и установку натовских ракет (а также натовской армии) на границе между Украиной и Россией.

Выполнение этих двух блестательных геополитических и геостратегических номеров очевидным образом равносильно победе без боя над Россией. После того как номера оказались бы осуществлёнными, Россия могла бы только капитулировать. Или — в почти беспомощном состоянии — подвергаться всем видам бомбардировок. Включая ядерные.

Наши национально ориентированные государственники, обладающие двумя сверхидеями, — как-никак, прагматики. И свою национальную, державную ориентацию они очень ценят. Желая не допустить такого раз-

ворота событий, который равносителен победе Запада в четвёртой мировой войне против России (притом что третья была холодной войной против СССР), они очень изящно ответили Западу в Крыму. И вновь переиграли его по очкам. При этом они были убеждены, что, переиграв Запад по очкам, они с ним не рассорятся окончательно. То есть, дав залпы всеми своими бортовыми орудиями, корабль российской государственности продолжит движение по буржуазно-западническому маршруту. При этом территория увеличится, репутация власти будет укреплена — красота, да и только!

Совсем уже неописуемая ярость Запада не могла пробиться сквозь психологические защиты, порождённые двумя сверхидеями: «Подумаешь! И в 2008 году нам многое чем угрожали. А в итоге всё утряслось».

То, что всё не утряслось, стало ясно в момент, когда Запад начал яростно зачищать всё пророссийское на Юго-Востоке Украины. Причём зачищать он это стал неонацистскими методами с использованием неонацистов.

И под истошные вопли о том, что во всём виновата Россия.

Параллельно вводились санкции против России. Сначала почти смешные. Но санкции нарастили, и оказалось, что не до смеха. Причём вовсе не потому, что эти санкции угрожают особой бедой населению России. Нет, не до смеха оказалось потому, что эти санкции угрожают первой сверхидее — сверхидее нынешнего особого западничества. Власть говорила нашей элите: «Иди на Запад, покупай там собственность, перевози туда семьи, вписывайся в Запад, обзаводись иноземными зятьями или невестками».

Сказано — сделано. И что теперь? Власть говорит элите: «Надо всё переиграть». А эли-та спрашивает: «Почему? Нет, может быть, кое-кто из нас и согласится на такую переигровку. Но только все спрашивают: почему надо переигрывать? Если потому, что Путин Западу не люб, так легче сдать Путина. А если по какой-то другой причине, то вы нам эту причину предъявите. А мы оценим. Только уж вы предъявите её по-настоящему — внятно, масштабно, страстно. Проартикулируйте — как говорят всякие там высоколобые умники».

Но и это было бы ещё полбеды. Напряглись бы — и худо-бедно проартикулировали. Заменили бы (на уровне риторики, разумеется) западничество на антizападничество. Ведь снизили же градус антисоветизма, когда это оказалось необходимо в плане политиче-

ской pragmatики. Ну, и тут бы скорректировались. В необходимой степени, разумеется. И лишь на уровне слов. Но требуются-то не слова, а дела — отъезд с Запада, перевод денег на российские счета. Причём без всяких гарантий, что их оттуда не уведут.

Кроме того, требуется мобилизация населения, причём нешуточная. Запад страстно рвётся к холодной войне, понимая, что эту войну не может выиграть государство в его второй постсоветской редакции. То есть государство зрелого путинизма.

С этой элитой и этим образом жизни выстоять в условиях сколь-нибудь долговременной холодной войны нельзя. Это понимают и путинские державно ориентированные pragmatики. Вот только они полагали, что холодной войны не будет. И теперь держат паузу во всём, что касается Юго-Востока, понимая,

что дело круто. Что если не откликнешься на нацистские бесчинства, то потеряешь авторитет внутри страны. А если откликнешься, сотворив второй вариант крымской победительной ирреденты (то есть воссоединения земель), то холодная война станет яростной и насыщенной.

А значит, понадобится третья редакция постсоветской государственности. Подчёркиваю — не возврат к советской государственности, а третья редакция постсоветской государственности. Её вполне может и даже должен осуществить Путин. Но он яростно не хочет этого делать. Причины этого нежелания я только что описал (две сверхидеи, нежелание менять образ жизни элиты и нации и так далее).

Но возможна ли третья редакция постсоветской государственности? Подчёркиваю, не

изменение риторики. Уж как только её не меняли! Возможна ли реальная третья редакция? Третья республика, так сказать... Причём без изменения Конституции, без изменения системы власти, при том же лидере?

Как ни странно, этот донельзя злободневный вопрос и вопрос о судьбе гуманизма в XXI столетии связаны наитеснейшим образом. Потому что третья редакция постсоветской государственности, она же Третья республика Владимира Путина, уже не может идти тем же курсом, что и Запад. И не может ориентироваться на нынешние западные ценности как на абсолютный эталон. А значит, сама собой включается вся машина споров по поводу того, чем отличается Запад от Востока и почему Россия не может принять Запад в качестве чего-то безусловно правильного, требующего только освоения этой пра-

вильности не до конца правильными русскими и более ничего.

Что такое Россия? Часть Запада (первый сценарий), государство, следующее западным курсом, но не входящее в Запад (второй сценарий), или государство, нащупывающее новый глобальный путь (третий сценарий)? Только всерьёз сделав ставку на третий сценарий, Владимир Путин может, построив Третью постсоветскую республику, обеспечить целостность России и удержать власть.

Мучительные раздумья и ожесточённые споры по поводу того, чем Восток отличается от Запада, и каково тут место России... Думать и уж тем более спорить по этому поводу можно, только вооружившись определёнными представлениями о добре и зле, спасении и погибели.

То есть, сказав себе и другим: «А и В — это

спасительное добро, С и D — это губительное зло... Установив это, я беру две сущности — Запад и Восток — и, вооружившись каким-то устройством, позволяющим осуществлять измерения, устанавливаю, что Запад ближе к А и В. А значит, он является средоточием добра и спасительности. То есть положительным полюсом человечества. Стремясь к доброму и спасению, я, убедившись в том, что они связаны с Западом, становлюсь западником.

Одновременно я, произведя какие-то измерения и имея чёткие представления о связях между определёнными качествами А, В, С, D и тем, на что я хочу ориентироваться (а это добро и зло, спасение и погибель), убеждаюсь в том, что Восток гораздо ближе к С и D. А значит, он является отрицательным полюсом человечества.

Присягая положительному полюсу чело-

вечества, я одновременно объявляю войну отрицательному полюсу и становлюсь не просто другом Запада, но и врагом Востока».

Могут ли быть другие способы, с помощью которых человек может самоопределиться, заявив о том, что он друг Запада и враг Востока — то есть западник? Или же что он враг Запада и друг Востока — то есть антизападник?

Конечно, могут быть другие способы. Например, человек может себе сказать: «Запад силен, а Восток слаб. Я присягаю силе и отвергаю слабость. И потому становлюсь западником». Но такой способ самоопределения только на первый взгляд не совпадает с тем, что я описал выше. Потому что для того, чтобы этот способ самоопределения был понастоящему эффективен, ты должен сказать, что сила — это добро и спасение, а слабость —

это зло и погибель. Если же ты этого не скажешь, то твоё самоопределение будет содержать в себе моральную и метафизическую червоточину. Потому что ты присягнёшь силе, но будешь понимать, что эта сила является злой и губительной. Ты отвергнешь слабость, но будешь понимать, что она добра и спасительна.

Далее ты спросишь себя: «А как это может быть, что добро и спасение являются слабыми? Ведь они связаны с какой-то сущностью. Значит, сама эта сущность слаба. А почему она слаба? И откуда тогда во мне есть вообще представление о добре и спасении, зле и погибели? Может быть, эти представления фундаментально ложны и их надо отвергнуть?»

Но, во-первых, прияя к мысли о том, что их надо отвергнуть, ты в итоге отвергнешь всю свою человеческую сущность (родовую

сущность, как говорил Карл Маркс) и непонятно кем станешь. Тебе-то может показаться, что ты станешь сверхчеловеком (а также человеком-зверем, белокурой бестией и так далее). А на самом деле ты станешь, образно говоря, недозверем. То есть больным, изломанным существом, Раскольниковым из романа Достоевского «Преступление и наказание» или подпольщиком из «Записок из подполья», сочинённых тем же Достоевским и живописующих с невероятной сочностью, чем в итоге обличается для человека попытка освобождения от его человеческой (или родовой) сущности.

Потому что даже если человек и может освободиться от своей собственной человеческой сущности, то это вовсе не значит, что он тем самым обретёт вожделенную звериную сущность. Потому что к моменту, когда чело-

веку этому пришла в голову мысль о возможности освобождения от своей человеческой сущности, он не только эту сущность обрёл и довёл до степени рефлексивности (то есть до такой явственности, при которой её можно обозреть, оценить и попытаться отвергнуть). Он ещё и — с помощью построения своей культурной/человеческой сущности — в невероятной степени травмировал свою сущность природную/звериную. И потому даже если он от человеческой сущности освободится, то обретёт он только ужасно травмированную звериную сущность. То есть превратится в смертельно больного зверя.

Но освобождение от своей человеческой сущности — удел очень немногих специфически построенных представителей рода человеческого. И очень редкие из этих монстров, которых Ницше и его последователи

так восторженно восхваляли и восхваляют, освобождаются от своей человеческой сущности сознательно. И уж, конечно же, они освобождаются от неё потому, что эта сущность с рождения развёртывалась ущербно. И потому-то от неё и удается освободиться. Но, даже развёртываясь ущербно, эта сущность, осуществляя своё развёртывание, порождала некую культурную (суррогатно-культурную, псевдокультурную, антикультурную) самость. Которая, создавая предпосылки для освобождения от человеческой сущности, всё равно ужасно травмировала сущность звериную.

Итак, давайте если не выведем за скобки, то хотя бы отложим на время в сторону всё то, что связано с освобождением от человеческой сущности. И будем рассматривать только позиционирование в системе коорди-

нат Восток–Запад тех представителей рода человеческого, которые от этой сущности не освобождаются. Не освободившись же от неё, они должны назвать то, чему они присягают, то есть Восток или Запад, не только своим, но и добрым и спасительным.

Меня, конечно, могут спросить: «А почему вы считаете, что на данном этапе человеческой истории или постистории в качестве добра и спасения не могут рассматриваться, говоря упрощённо, те же самые бабки, о которых с утра до вечера говорят и думают крайне многочисленные ваши соотечественники, а также иноплеменные представители рода человеческого? Мало ли что можно сделать в современном мире за эти самые бабки... Да и упомянутый вами Раскольников хотел убить старуху не просто так, а чтобы деньги украсть, а на эти деньги мир спасти.

Согласитесь, есть все основания считать, что мы живём в мире золотого тельца. То есть в мире, где деньги стали и мерилом всего на свете, и высшей ценностью. Потому что на самом деле, став мерилом всего на свете, они не могут не стать высшей ценностью. Став высшей ценностью, деньги не могли не превратиться в суррогатного бога. То есть в то самое добро и спасение, по отношению к которому, как вы сами говорите, должен самоопределяться каждый участвующий в конфликте Запада с Востоком. Если деньги — на Западе, то там же находится и добро, и спасение. Но даже если деньги перетекут с Запада на Восток, и вчерашний верующий в золотого тельца поклонится уже не Западу, а Востоку, — многое ли изменится?

Вот-вот Китай станет наиболее богатой державой мира... И наверняка тогда все ал-

чущие золотого тельца поклоняются Китаю, то есть Востоку. Но на самом деле они всего лишь поклоняются золотому тельцу, переехавшему с Запада на Восток. Причём переехавшему отнюдь не без помощи Запада».

Соглашаясь с правомочностью и даже необходимостью такой постановки вопроса в 2014 году, я одновременно обращаю внимание читателя на то, что этот вопрос подтверждает, а не опровергает правомочность моего подхода. То есть подхода, при котором Запад и Восток рассматриваются а) не в статике, а в динамике и б) не сами по себе, а в своём соотношении с чем-то большим, чем они сами. То есть с теми самыми А, В, С, Д.

Введите, если хотите и сможете, вместо А, В, С, Д другие сущностные переменные — Е, F, G, H. Но даже если вы это сделаете, не слукавив и не погрешив против родовой сущно-

сти — а я убеждён, что сделать подобное, и не склонившись, и не погрешив против родовой сущности, невозможно — вы этим своим альтернативным введением сущностных координат только подтвердите правоту моего основного тезиса. Который состоит в том, что нельзя определить такие воистину ключевые и судьбоносные понятия, как Запад и Восток, не выходя за рамки этих понятий.

В добавок к этому сами понятия как минимум не являются монолитными.

Для начала приведу лишь один пример. В 1890 году наш очень крупный и глубокий поэт Владимир Соловьёв написал стихотворение «Ex oriente lux» («Свет с Востока»). В этом стихотворении Соловьёв лишает понятие «Восток» монолитности, утверждая, что есть два Востока — Восток Ксеркса и Восток Христа. После чего предлагает России само-

определиться:

Каким же хочешь быть Востоком:

Востоком Ксеркса иль Христа?

Соловьёв — действительно очень крупный мыслитель. Причём мыслитель подлинно русский. То есть взыскующий целостности, не желающий заниматься чисто рациональным теоретизированием, стремящийся быть одновременно и поэтом, и философом, и много кем ещё. Понимая, что к Соловьёву относятся по-разному и не желая порождать лишних споров, я не буду называть Соловьёва гениальным мыслителем. И утверждать, что он выше Гегеля или Маркса. Но то, что Соловьёв — фигура невероятно крупная, признают все. Поэтому давайте для начала установим следующее.

Первое. Соловьёв и впрямь лишает понятие «Восток» монолитности.

Второе. Лишив понятие «Восток» этой монолитности, Соловьёв — если, конечно, его утверждение справедливо — одновременно лишает монолитности и понятие «Запад».

Третье. Соловьёв не просто лишает понятие «Восток» монолитности. Он не просто констатирует наличие двух Востоков. Он эти два Востока именно противопоставляет друг другу. Противопоставляя же их друг другу, Соловьёв обнаруживает противоречие внутри сущности под названием «Восток». И тем самым превращает некую статическую сущность под названием «Восток» в динамическую, то есть диалектическую, систему.

Четвёртое. Обнаружив внутри понятия «Восток» такое антагонистическое противоречие, Соловьёв автоматически порождает аналогичную противоречивость понятия «Запад». А значит, и Запад превращается — коль,

повторяю, Соловьёв прав — из статической сущности в динамическую систему.

Перед тем, как перейти от утверждения Соловьёва, которое, как и любое утверждение, может быть спорным, к чему-то более общему, я всё же приведу читателю процитированное мною выше стихотворение «*Ex oriente lux*»:

*«С Востока свет, с Востока силы!»
И, к вседержательству готов,
Ирана царь под Фермопилы
Нагнал стада своих рабов.*

*Но не напрасно Прометея
Небесный дар Элладе дан.
Толпы рабов бегут, бледнея,
Пред горстью доблестных граждан.*

*И кто ж до Инда и до Ганга
Стезёю славною прошёл?*

*То македонская фаланга,
То Рима царственныи орёл.*

*И силой разума и права —
Всечеловеческих начал —
Воздвиглась Запада держава,
И миру Рим единство дал.*

Дочитав до этого места и поверив Соловьёву, мы вроде бы убеждаемся, что правда и сила на стороне Запада. Что этот самый Запад — и Ксеркса сокрушил, и дошёл до Инда и Ганга, и утвердил всечеловеческое начало, основанное на праве и разуме, и дал единство миру. Не успеваем мы в этом убедиться, как Соловьёв в следующих строках камня на камне не оставляет от этого — казалось бы — панегирика Западу.

*Чего ж ещё недоставало?
Зачем весь мир опять в крови?*

За этим вопросом Соловьёва вся история чудовищных древнеримских конвульсий, тираний, извращений, садизмов. Всё то, что превратило Древний Рим в объект ненависти всего человечества. Всё то, что самим своим наличием отрицало и благо, и спасительность сотворённого Римом. Всё то, что привело в итоге к ужасной гибели Рима. А разве у нас, наблюдающих за чудовищными конвульсиями американского Четвёртого Рима, который, в отличие от предшествующих, обладает ядерным оружием, не рождаются через 124 года после написания этих строк всё те же вопросы? Чего ещё не достаёт Соединённым Штатам Америки? Зачем они льют кровь по всему миру: в Ираке, Югославии, Ливии, Египте, Сирии... и вот теперь — на Украине?

Задав столь важный вопрос, Соловьёв, не

давая прямого ответа, утверждает, тем не менее, что все эти чудовищные конвульсии, приведшие к фиаско Запада в его древнеримском обличии, порождены недостатком любви.

— *Душа вселенной тосковала
О духе веры и любви!*

— говорит Соловьёв. И утверждает далее, что этот дух пришёл на Запад с Востока. С того самого Востока, который, казалось бы, фатально проиграл Западу. Так с того же самого или с другого?

Давайте дочитаем стихотворение Соловьёва. Или, точнее, его краткий историософский трактат в стихах.

*И слово вещее не ложно,
И свет с Востока засиял,
И то, что было невозмозжно,
Он возвестил и обещал.*

*И, разливаясь широко,
Исполнен знамений и сил,
Тот свет, исшедший от Востока,
С Востоком Запад примирил.*

И только совершив такой историософский диалектический экскурс, Соловьёв, наконец, задаёт тот самый вопрос, который проблематизирует монолитность Востока, а, значит, и монолитность Запада. А, значит, и неподвижность Востока и Запада как неизменных сущностей.

*О Русь! В предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?*

— спрашивает Соловьёв.

Что же отвечает Россия? И отвечает ли она хоть что-то?

Даже отдельный человек, убеждённый и

цельный, на подобный вопрос должен давать не риторические ответы. Что толку, если он скажет: «Конечно, я хочу быть с хорошим Востоком, который и на Запад пришёл, и свет любви принёс, а не с Востоком плохим, да вдобавок ещё и проигравшим»?

Нет, человек должен своим поведением подтвердить право на то, чтобы, так сказать, прописаться в желанном для него доме. В доме сильного и благого Востока, а не в доме Востока слабости и погибели.

Но разве только Восток может быть лишен монолитности и поделён на Восток Ксеркса и Восток Христа? Да и можно ли считать окончательными такие параметры, как «Ксеркс» или «Христос», коль скоро речь идёт о невероятно крупных, слитных и мозаичных одновременно сущностях, каковыми, безусловно, являются и Восток, и Запад?

Географически христианство и впрямь возникло в Иудее, то есть на Востоке. Но под влиянием чего оно возникло?

Ответ на этот вопрос невозможен без анализа противоречий более древних, нежели те, к которым апеллирует Соловьёв, говоря о Востоке Ксеркса и Христа.

Категорически необходимо, чтобы обсуждение этих противоречий основывалось на конкретном историческом и культурном материале, а не на конспирологическом вымысле. А потому давайте вчитываться в первоисточники, важнейшим из которых является великая «Энеида», созданная римским гением Вергилием.

Вот несколько строк из этой самой «Энеиды», которая для современного русского читателя особой ценности не представляет, а для западной элиты, стремящейся к исто-

риософски обоснованному, с её точки зрения, уничтожению этого самого читателя... Впрочем, давайте всё-таки займёмся Вергилием. Хотя бы так, как мы занимались Гёте и другими важными для нас мыслителями и художниками. Вот что пишет Вергилий о своём герое Энее.

Битвы и музса пою, кто в Италию первым из Трои —

Роком ведомый беглец — к берегам проплыл Лавинийским.

Долго его по морям и далёким землям бросала

Воля богов, злопамятный гнев жестокой Юноны.

Долго и войны он вёл — до того, как, город построив,

В Лаций богов перенёс, где возникло племя латинян...

Далее говорится о том, как именно невзлюбила Юнона (в греческой мифологии Гера), сестра и жена владыки олимпийских богов Юпитера (Зевса) тот самый троянский род, представителю которого Энею суждено было перенести дары Трои туда, где впоследствии будет построен Рим. Вергилий повествует о том, что Юнона/Гера, дочь Сатурна/Кроноса, таила в душе обиду не только на Энея как такового, но и на весь троянский род.

Лудольф Бюзинк, Эней выносит Анхиза из
Трои. 1623

Ненависть злая её питалась давней обидой,

Скрытой глубоко в душе: Сатурна дочь не забыла

Суд Париса, к своей красоте оскорблённой презренье...

Но, к сожалению, я здесь не имею возможности ни развивать, ни анализировать, ни даже просто излагать всё то, что поведал Гомер, живописуя не просто конфликт между Троей и её противниками, а конфликт между богами-олимпийцами, одни из которых покровительствовали Трое, а другие — её смертельным врагам — ахейцам. Я всего лишь напоминаю читателю о том, что Эней считается родоначальником древнеримской сверхдержавы, она же Запад, именно потому, что он перенёс на римскую землю некие священные и невероятно важные дары, увезённые из

Трои. А значит, по мнению Вергилия, родной ему Древний Рим возвеличился только потому, что в священном смысле — а именно этот смысл для Вергилия был наиболее значим и важен — туда были принесены Энеем троянские святыни (пенаты).

Я не имею права погружаться в частности, рассказывать читателю о том, что такое пенаты и так далее. Кто-то из читателей это и без меня знает. Кто-то без труда ознакомится с деталями при желании. Моя же задача состоит в том, чтобы зафиксировать только самое главное.

Первое. Вергилий являлся абсолютным авторитетом отнюдь не только для своего времени. Произведение Вергилия «Энеида», кусок из которого я процитировал выше, учили наизусть многие поколения детей, обучавшихся в западных и не только западных

школах и впитывавших в себя определённое представление о тонкой структуре Запада, внутризападных конфликтах *et cetera*. Причём впитывали это не только дети, воспитывавшиеся в школах Рима, Венеции, Мадрида или Парижа. Впитывали это и русские дети. Помните строки из «Евгений Онегина», в которых Пушкин, иронизируя по поводу образованности своего героя, сообщает читателю, что этот герой не только в конце письма мог поставить латинское *vale* (то есть «прощай!»), но и был поверхностно ознакомлен с античным наследием. И с какой же именно частью этого наследства он был ознакомлен? Пушкин сообщает нам, что Евгений Онегин мог

Потолковать о Ювенале,
В конце письма поставить vale,
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.

Отвлекаться, обсуждая, что именно мог извлечь Евгений Онегин из произведений древнеримского сатирика Ювенала, я тоже не имею права. А вот обратить внимание читателя на то, что даже такой умеренный русский элитный балбес первой половины XIX века, как Евгений Онегин, знал стихи из «Энеиды», я просто обязан. Потому что другие представители русской элиты этого времени «знали» (то есть могли прочитать наизусть) не два стиха из «Энеиды», а всю «Энеиду» целиком. И сообщаемые в ней Вергилием данные были для этой русской элиты гораздо более ценными, чем любые изыскания современных ей историков и археологов. Чьи произведения эта элита чаще всего не читала. А вот Вергилия читала и учила наизусть, потому что так было построено школьное обучение.

Так оно было построено даже в России XIX века, находившейся на периферии современного ей Запада и в существенной степени подражавшей этому Западу. В ядре же Запада к Вергилию относились ещё более трепетно. И в XIX веке, и в начале XX. И в предыдущие века.

Информация, даваемая Вергилием, имела да и имеет основополагающее значение для построения элитной западной идентичности. Доказательства?

Я открываю «Пережитое» — работу очень талантливого и глубокого английского историка и философа Арнольда Джозефа Тойнби, родившегося в конце XIX века и прожившего очень долгую жизнь.

Арнольд Тойнби окончательно оформил некую теорию цивилизаций, в общих чертах разработанную до него другими философами.

Но Тойнби разработал эту теорию так, что она и впрямь стала теорией. А до Тойнби она была скорее общими умозрениями, талантливыми развёрнутыми эссе и не более того. Долгие годы Тойнби работал в цитадели западной стратегии, Чатем-хаусе, он же — Королевский институт международных отношений.

Вот как описывает Тойнби своё поступление на работу:

«Ещё до моего окончательного разрыва с университетом (Тойнби надоела к тому времени педагогическая рутинная деятельность — С.К.) в один прекрасный день я получил письмо от сэра Джеймса Хедлам-Морли, одного из моих старших коллег, работавшего тогда в Отделе политической разведки Министерства иностранных дел. «Для вас должна быть и будет найдена работа», — говорилось в этом

теплом и благожелательном письме».

Работа для Тойнби, не желавшего заниматься педагогической рутиной и твёрдо убеждённого в необходимости разработки стратегии на основе теории цивилизаций, была и впрямь найдена написавшим ему письмо выдающимся британским разведчиком, никогда не бросавшим слова на ветер. И Тойнби, уйдя из университета, стал работать в Чатем-хаусе, явившимся ключевым слагаемым большого западного стратегического проекта.

Этот проект, получивший развитие сразу после Первой мировой войны, включал в себя создание Англо-американского общества по научному изучению международных отношений. Создатели проекта не торопились брать быка за рога. Они очень ценили возможность придать проекту статус респектабельного, то

есть академического.

«Мы решили начать, — пишет Тойнби, — с создания истории мирной конференции, в которой принимали участие основатели общества. За финансирование этого издания взялся мистер Томас Ламонт, который был партнёром нью-йоркской банковской фирмы Дж. П. Морган и Ко. Благодаря царскому жесту Ламонта, история Парижской мирной конференции вышла в свет под эгидой Чатем-хауса в шести томах».

Итак, с одной стороны такие имена заказчиков мировой стратегии, как Томас Ламонт... Такие имена делателей стратегии, как Хедлам-Морли и Арнольд Тойнби... Такая очевидная линия преемственности Тойнби–Хантингтон, которая говорит о том, что всё, зачатое в Чатем-хаусе после

Первой мировой войны, продолжает реализовываться в рамках доктрины современного американо-английского консерватизма.

А с другой стороны, такое признание Тойнби, этого реального делателя реальной стратегии Запада:

«Историей (имеется в виду та история западного мира, на основе которой конструируется стратегия Запада — С.К.) для меня была история греческая и римская; история Средних веков и Новая история представлялись мне неуместным и нелепым эпилогом, добавленным к собственно истории северо-европейскими варварами. Этот эпилог, по моему мнению, нельзя было считать даже потомком по прямой линии... Как оказалось, мой духовный дом (имеется в виду дом античной, греко-римской, истории и культуры — С.К.) при-

нёс мне огромную практическую пользу. Он стал островком стабильности посреди бурного моря перемен. В живом мире, что бушевал вокруг меня, мирная фаза развития была в одночасье сменена фазой бурной. Но то, что я прочно стоял на ножах в классическом мире, смягчило потрясение от этого резкого перехода. В варварском постскриптуме к истории один параграф следовал за другим. Однако сама история — то есть история греческая и римская — осталась той, что была всегда...

Моё классическое образование оказалось мне две услуги, которые невозможно переоценить. Оно дало моему сознанию точку опоры вне того времени и места, где и когда мне случилось появиться на свет. И это спасло меня от переоценки

значения современной Западной цивилизации. Вторая услуга, оказанная мне моим классическим образованием, состоит в том, что у меня на всю жизнь сложилось убеждение — людские дела можно понять, только рассматривая их в целом. И вследствие этого я всю свою жизнь вырабатывал у себя всеобъемлющий взгляд на историю».

Здесь я не имею возможности подробно обсуждать влияние Тойнби на стратегию современных западных консерваторов. А жаль. Потому что подробное обсуждение этого вопроса показало бы, что эта роль — почти решавшая. Но поскольку я подробно обсуждать данный вопрос не имею возможности, то ограничусь совсем уж очевидной констатацией того, что эта роль ну уж никак не равна нулю.

После чего предложу на рассмотрение читателя совсем уж очевидную связь между некоторыми элементами. Связь эта выглядит так: «Такие, как Тойнби (а их немало, хотя Тойнби, конечно, — явление выдающееся), существенно обусловлены в своём понимании стратегии и историософии античностью вообще и «Энеидой» Вергилия в частности. В «Энеиде» Вергилия содержатся некоторые сюжеты, касающиеся противоречивости Запада как такового. Могут ли эти сюжеты, почти решающим образом влияя на Тойнби и ему подобных, не повлиять вообще на ту стратегию Запада, которую Тойнби и ему подобные делали уже в XX веке? И которую передали как эстафету Хантингтону и другим, которые, в свою очередь... И так далее...»

Я не хочу уподобляться записным конспирологам и говорить, что эта связь име-

ет решающее значение. Но может ли она не иметь никакого значения вообще? А если она определённое значение имеет, то прочтение «Энеиды» — более внимательное, нежели то, которое удосужился когда-то осуществить Евгений Онегин, — необходимо вовсе не для пополнения культурного багажа (что тоже немаловажно), а для выявления мировоззренческих матриц, существенно влияющих на судьбу гуманизма в XXI столетии. А значит, и на судьбу человечества.

Таким образом, занимаясь таким прочтением (так же, как и прочтением «Фауста» и других великих произведений), мы занимаемся построением фундамента таких дисциплин, как метафизическая война, политическая война, мобилизация и так далее. Потому что мобилизует дух. И именно дух выстраивает воюющие структуры — как политики-

метафизические, так и собственно политические. И это прекрасно понимают и нынешние хозяева больших денег (преемники господина Томаса Ламонта, Дж. П. Моргана и других), и нынешние хозяева стратегической разведки (преемники сэра Джеймса Хедлам-Морли и других), и нынешние хозяева западных смыслов (преемники господина Тойнби, господина Хантингтона и других).

И если мы не хотим быть рабами Запада, а реализовать это «не хотим» можно, только обретя подлинно мессианскую идентичность, то внимательное и проникновенное чтение «Энеиды» или «Фауста» должно быть не менее важной частью нашего освобождения, чем марши, митинги и многое другое из того, на что

нас, возможно, обрекают крах СССР и последовавшие за этим события.

РАБ НЕ МОЖЕТ ОСВОБОДИТЬСЯ, НЕ ОВЛАДЕВ ВСЕМ ТЕМ, ЧТО ПРЕДПОЛАГАЕТ КАТЕГОРИЯ ГОСПОДСТВА.

И не надо восклицать, что коммунизм отменяет категорию господства вообще. В последнее время мне довелось обсуждать этот вопрос с людьми высокообразованными, глубокими и отнюдь не находящимися в стане записных антикоммунистов. Именно они обратили моё внимание на то, что русский коммунизм в его классическом сталинском варианте, по сути, свёлся к передаче широчайшим народным массам высокой русской культуры, культуры достаточно молодой и безусловно дворянской. То есть антибуржуазной. Ведь именно таковой была русская культу-

тура XVIII–XIX веков. Сколько бы разночинцев ни формировало эту культуру, она по духу своему оставалась а) дворянской (то есть де-факто культурой господства) и б) антибуржуазной. В России нет буржуазной культуры. Русский буржуазный класс её не создал. Или, точнее, всё, что он создал, померкло перед лицом созданной другими антибуржуазной культуры. Поэтому борьба за построение капитализма в России в XXI столетии неминуемо является борьбой с русской антибуржуазной дворянской культурой, которую унаследовали и развили большевики, передав её народу в виде культуры господства. И сказав народу: «Ты теперь господин! Ну так и впитывай в себя великую антибуржуазную культуру господства».

Десталинизация, начатая в хрущёвские времена и продолжающаяся поныне, все-

гда была борьбой с антибуржуазной русской культурой господства, переданной народу. Народ надо было оторвать от этой культуры а) для того, чтобы поработить и б) для того, чтобы сломать антибуржуазный народный иммунитет. Для этого применялись разные средства.

Средство № 1 — мещанство. В России не было буржуазной культуры, но в России было ядовитое антикультурное мещанство. Причём не только антикультурное, но и антигуманное. Горький говорил, что мещанство — это ненависть к людям. И ему можно верить, ибо отрываясь от мещанской среды, он её и ненавидел, и понимал.

Средство № 2 — криминал. Криминальная антикультура в России тоже была. И поразительным образом она была не чужда буржуазности, поскольку поскольку была анти-

культурой, а культура была антибуржуазной.

Средство № 3 — варваризация, то есть отрыв от культуры вообще.

Применение этих трёх средств (а попытка выдать за новую — наконец-то, буржуазную! — культуру Быкова, Улицкую, Бондарчука и так далее — это нечто, заведомо безнадёжное) обрекает народ на гибель, на полный крах идентичности. Не будет новой идентичности, дарованной народу новой буржуазной культурой, а будет только этот крах со всеми его последствиями. Выражение «новые русские» позорно подыхает вместе с буржуазными потугами на культуру. Поскольку было изобретено для того, чтобы послужить создание новой буржуазной культуры. Посулы оказались пустыми — вот оно и подыхает, это самое позорное выражение.

Но война с большевистской русскостью,

основанной на передаче дворянской антибуржуазной культуры господства широким народным массам, продолжается. И конечно же, можно сказать, что такая передача антибуржуазной культуры господства широким народным массам — это всего лишь сталинизм, а не подлинный коммунизм. Но никто из нас пока не знает, что такое подлинный коммунизм. Мы только понимаем, что это новый гуманизм, который должен спасти мир от неизбежной дегуманизации. А ещё мы понимаем, что он не может родиться вне наследования того, что реально создал русский коммунизм в XX столетии. А создал он именно этот синтез дворянской антибуржуазной высокой русской культуры господства и широких народных масс. Это представляет собой дух и душу СССР 1.0. Не опираясь на это, мы не можем идти дальше.

Но если это так, то зачем сейчас протестовать против соединения высокой антибуржуазной культуры господства и широких народных масс? Почему мы изучаем «Фауста»? Потому что «Фауст» создан духом буржуазии. То есть буржуазией. Да, на Западе буржуазии удалось создать высокую буржуазную культуру. И приковать к этой культуре само понятие «классический гуманизм». Теперь эта культура умирает. Но западный гуманизм, прикованный к ней цепями, умирает вместе с нею. Исследовать эту смерть необходимо. И столь же необходимо взять у умирающего всё то ценное, что он сумел создать. Но, перенимая всё ценное, нельзя не ощущать различия между русским гуманизмом, основанным на соединении русской глубочайшей антибуржуазной высокой дворянской культуры господства с широкими народными массами,

— и западным гуманизмом, основанным на отчуждении глубочайше буржуазной высокой культуры от этих самых широких народных масс.

Западу удалось сломать антибуржуазность и привить буржуазный вирус.

В России сломать антибуржуазность не удалось. А буржуазный вирус оказался поразительно жалким и антикультурным.

Реальный смысл русского коммунизма состоит в том, что в XX веке русский народ получил из рук коммунистов высокую антибуржуазную культуру и, вооружившись ею, был готов к войне с фашистским антikоммунизмом. А народы Запада оказались умеренно отчуждены от своей буржуазной культуры, которая в силу этой буржуазности не могла сопротивляться соблазнам фашистской дегуманизации.

Анна Кудинова в рубрике «Информационно-психологическая война» обсуждала и советника Андропова Михаила Бахтина, и Анатолия Ракитова — советника одного из высоких советских комитетчиков, исполнявших волю Андропова на ниве культуры и идеологии.

Этот самый Ракитов, конечно же, не так умён, как Бахтин. Но он неглуп и достаточно образован. Кроме того, в одном ряду с Ракитовым стоят другие, ещё более умные и образованные ревнители слома русского ядра культуры. На самом деле они ломают это ядро не для придания русским какого-то там технологического динамиза, как утверждает Ракитов. Где он, этот технологический динамизм? И разве может быть больший технологический динамизм, нежели тот, который проявило советское общество, не догнав,

а обогнав — вы понимаете? — впервые в русской истории обогнав Запад — в решающих космических и иных отраслях?

Ракитов лжёт читателю, говоря о том, что он ратует за приздание обществу технологической состоятельности и потому лишь требует смены русского ядра культуры, сохранение которого категорически несовместимо с этой технологической состоятельностью. На самом деле Ракитов ратует за полное и окончательное обуржуазивание русского общества. И понимает, что только сломав высокую русскую культуру, которая является воинственно антибуржуазной, он может насаждать в русском обществе эту самую буржуазность. Гораздо более умный, чем он, Бахтин, прекрасно понимал, что русское общество/русский народ при этом умрёт. И отвечал на это предельно грубо: «Ну и *** с ним».

Понимает ли это Ракитов — вопрос не столь важный. Возможно, он как технарь и впрямь намного глупее гуманитария Бахтина, и потому этого не понимает. А возможно, он это и понимает.

Что именно понимал Андропов и что понимает стоящий за Ракитовым представитель андроповской элиты КГБ, тоже не так важно. Гораздо важнее то, что эксперимент под названием «обуржуазивание России» фактически завершён. Всем уже стало ясно, что либо продолжение сущностного обуржуазивания и смерть, либо какая-то новая жизнь.

Нащупать животворные ключи, позволяющие изгнать поселившуюся на Руси смерть и утвердить новую жизнь...

Чем дальше мы продвигаемся в нашем исследовании, тем яснее становится, что решение этой задачи и решение задачи построе-

ния нового гуманизма и обретения новой историофильской воли — смыкаются. Что это даже не два решения, а двуединое решение. Причём то двуединое решение, без которого продолжение русской жизни воистину невозможно.

Вот почему столь контрпродуктивны и антикоммунизм, по сути отрывающий широкие народные массы от высокой антибуржуазной культуры господства, и пещерный псевдокоммунизм, постоянно восклицающий о том, что господство не нужно широким массам вообще, а культура господства им не нужна тем паче.

Обнаружив невероятную тупость и бесплодность такой пещернопсевдокоммунистической позиции, её вопиющее несоответствие и реальному советскому коммунизму, и глубокому марксизму, — вернёмся к конфликту

между Востоком и Западом и тем внутренним конфликтом, которые раздирают тысячелетиями эти две сущности. Сущности, лишь по видимости являющиеся монолитными, а на самом деле представляющие собой противоречивые динамические системы, начинённые глубочайшими и остройшими противоречиями.

Возвращаясь же к конфликту между Востоком и Западом и всему тому, что, находясь над этим конфликтом, придаёт ему и смысл, и направленность, продолжим чтение «Энеиды» Вергилия.

(Продолжение следует)

Сергей Кургинян

Классическая война

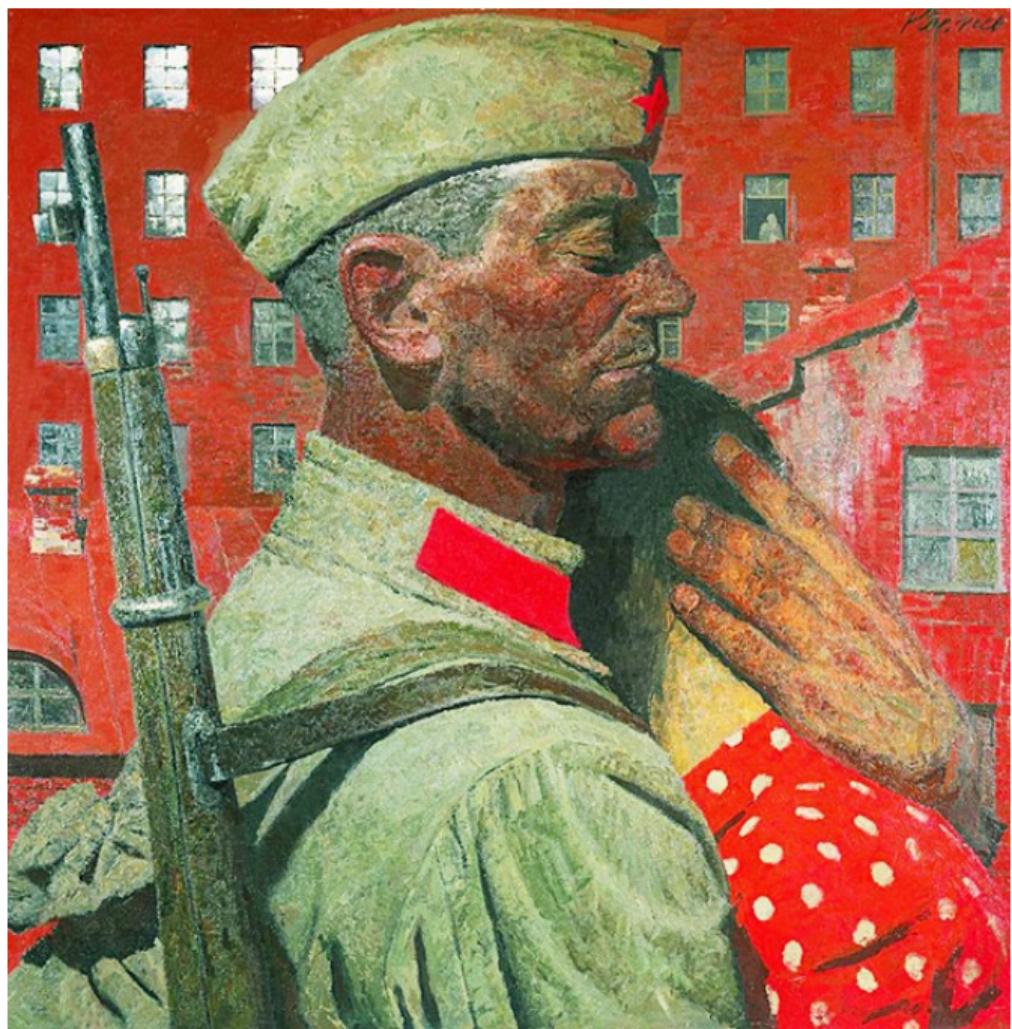
Русский героизм. Ключевые определения

Русские солдаты в те страшные два первые года войны отступали, но не сдавались. Они сражались, даже не надеясь выжить. Но им в конечном итоге было не страшно умирать, потому что они любили свою страну, своё Отечество больше, чем свою жизнь.

ше, нежели самих себя. Для них важнее была Россия, чем собственная жизнь

Пётр Кривоногов, Победа

Коржев Г.М. Проводы. 1967

Мы хотели продолжить обсуждение темы русского воинского героизма хронологически, то есть двигаясь последовательно от эпохи к эпохе и на примерах показывая складывание характера русского воина. Однако уйти совсем надолго от современности в историю нельзя — обязанность откликаться на важные явления «быстротекущей жизни» лежит в основе газетной работы.

Сегодня такими предельно важными для нас явлениями жизни стали ситуация на Украине и годовщина Дня Победы.

Заявленная нами тема русского героизма связана и с первым, и со вторым явлениями: события на Украине актуализируют в нашей теме слагаемое «русский», а День Победы над абсолютным злом нацизма, Победы великой и священной — слагаемое «героизм».

Несомненно, что Великая Отечественная

война стала высшим проявлением русского воинского характера, русского героизма в целом.

Несомненно также, что вооружённый террор киевской власти против русских Юго-Востока Украины имеет в своей основе не только политическое и идеологическое, но и этническое слагаемое.

Почему? Потому что против этнических русских Юго-Востока ведут борьбу те, кто считает себя... кем? Поляками? Украми? Европейцами (хотя такой нации нет и не может быть)? Но кем бы они себя ни считали, главное, что они *не считают себя русскими*.

Вопреки историческим, генетическим, культурно-языковым, другим корням, признанным всеми учёными мира, жители Западной Украины (неважно, бандеровцы они или нет) упорно отрицают свою вековую

этническую принадлежность к русским.

Может быть, они сошли с ума?

Или они считают, что раз в сегодняшнем глобальном мире можно выбрать заново или поменять место жительства, фамилию, страну, религиозную принадлежность, даже пол, то можно поменять и этническую идентификацию? Но если твои предки были русскими, то как ты можешь быть НЕрусским?

Тысячу лет назад построение государства дало импульс процессу складывания этноса. Из разрозненных славянских племён, изначально ощущавших себя волынями, дрого-вичами, дулебами или полянами, за каких-то 40–50 лет появился новый этнос — русы, или русичи.

Обратим внимание на то, что сначала было создано государство (на Западе общепринято называть его империей Рюриковичей),

а лишь затем сложился этнос. Между прочим, не факт, что первые русские князья не просчитывали этот процесс и не действовали вполне сознательно. Не так уж невозможно было догадаться, что общая территория, единый правящий дом, единые законы, сплошённая армия с единым воинским кодексом, и всё это, вдохновлённое нескончаемыми победами на полях сражений, — приведут к процессу кристаллизации новой этнической общности. Предки наши были неглупые люди, да и историю римлян, которые сходным образом (объединение через завоевание) создавали свой латинский этнос, знали неплохо.

И этот процесс действительно пошёл очень быстро. Ко времени правления князя Владимира (сына Святослава) сложился не только русский этнос, но и весь комплекс метафизических скреп, дающих новому этносу

духовную опору для существования.

И в первую очередь, сложилось понятие Отечества.

Русский философ и социолог Лев Тихомиров, оппонируя знаменитому расологу французу Гюставу Лебону, ставившему знак равенства между биологическим понятием «раса» и метафизическим понятием «отчество», говорил по этому поводу: *«Отечество — это не просто «раса». Это организованная нация, получающая завершение своей организации в государстве».*

Государство, по Тихомирову, географически и политически оформляет то нерасторжимое единство прошлого, настоящего и будущего, которое составляет душу народа: его чувства, инстинкты, наклонности, ум, характер. И если предки, как считал Лебон, закладывают основание народной души, сотворив

изначальные мысли и идеи, ставшие побудительными причинами поведения народа, то потомки, добавляет Тихомиров, несут общность исторического дела, переданного им предками. Преемственность же этого исторического дела и оказывается судьбой народа.

Государство, говорит Тихомиров, есть преемственно развивающийся социальный организм, который рождается, живёт сотни или тысячи лет, «проходя различные фазы, из которых каждая последующая вытекает из предыдущей, ею обусловливается и, в свою очередь, даёт основы для развития следующей фазы».

И на каждом этапе этого развития и изменения сохраняется нечто, что позволяет говорить об особенности данного этноса, отлитого в форму данного государства, о его непохожести на другие народы и этносы. И это очень

хорошо знают и чувствуют сами представители этноса.

«Россия, — говорит Тихомиров, — существует тысячу лет, за это время претерпевала немало изменений, бывали моменты даже, когда она исчезала как самостоятельное политическое целое, бывала раздроблена на части, захваченные в сферы влияния и обладания других государств. Но когда же, в какое столетие русские не сознавали, что они составляют нечто единое целое?»

Наши предки, создавшие русское государство и вложившие него свою душу, в очень большой степени создали и нас сегодняшних. Их душа стала частью души народа, а значит, и нашей. И изменить эту общую душу мы не можем — иначе перестанем называться русскими.

Сегодняшняя украинская ситуация является прямой противоположностью событиям тысячелетней давности. Тогда вокруг Киева начала складываться русская государственность, а через это и русский этнос. Сегодня, в XXI веке этот этнос не складывается, а разрушается, переживает жесточайший кризис идентификации — одна из частей русского этноса (западенская) отказалась считать себя русскими.

Отрекаясь от своей этнической принадлежности к русским, сегодняшние западные украинцы одновременно отрекаются и от народной души, и от народной судьбы, и от Отечества как квинтэссенции, по Тихомирову, всего комплекса составляющих единый народ элементов.

Ради обоснования этого отречения в «независимой Украине» придумали бредовую

мифологию «древних укров», якобы создавших Киевскую Русь (а до этого — ни много, ни мало — Атлантиду). Ради обоснования этого отречения строят искусственные исторические концепции о том, что тоталитарная Московская империя, населённая дикими потомками финно-угров и монголов, захватила и покорила независимых укров.

А необандеровцы и «щирые украинцы» сегодня идут ещё дальше — они уничтожают памятники советским солдатам и памятники Кутузову, отказываются от великой Победы 1945 года и от всей российской истории. Для них нет не только советской идентичности — для них нет именно русской идентичности. Они рвут со своим историческим прошлым, и, похоже, навсегда.

Такая историческая ненависть не рождается на пустом месте. Она, несомненно, яв-

ляется производным от западного неприятия русских как чужих, как варваров, коренным образом отличающихся от них самих.

Родилось это неприятие очень давно, как раз в эпоху Рюриковичей. И родоначальником его была Византия, много раз хитростью и военной силой пытавшаяся уничтожить Русь. Следом за ней свой первый «дранг нах Остен» начали немецкие псы-рыцари. Затем наступил черёд Британской империи, воевавшей с Россией не открыто, а чужими руками. В XX веке начался второй немецкий «дранг» — в Перную мировую и в Великую Отечественную. А уж за немцами эстафету ненависти к русским подхватила Америка.

У немцев эта ненависть приняла наиболее законченные формы, построенные на концепциях о неполноценном характере славянской расы.

Самих же себя немцы считали арийцами, сверхчеловеками, новыми римлянами, борющимися с монголо-славянскими ордами, со «смесью низкой и нижайшей части человечества, истинными недочеловеками, дегенеративно выглядящими восточными людьми».

Размах пропаганды был огромен. Геббельсовская пресса пугала немецкого обывателя «монгольскими физиономиями в лагерях военнопленных». Издательство СС публиковало специальный журнал «Недочеловеки», главной задачей которого было показать животный вид и животный характер русских солдат на германо-советском фронте. Майор СС Эдвин Двингер писал: «*Будь то притарах, Петре или Сталине, эти люди рождены для рабского ярма*».

Ненависть была помножена на полное

недоумение — почему русские продолжают сопротивляться? Для представителей «высшей расы» это было абсолютно непонятно. «Они сражаются, когда вся борьба уже бесмысленна» — удивлялись немецкие генералы.

Поначалу немцы объясняли это сопротивление животным долготерпением русских, их звериной тупостью. Официозная нацистская газета «Фелькишер беобахтер» 29 июня 1941 года (то есть уже через неделю боёв) писала, что русский солдат *«превосходит наших противников на Западе в своём презрении к смерти. Терпение и фатализм заставляют его держаться в окопах, пока его не подорвёт граната, либо его поразит смерть в рукопашном бою»*.

Затем они стали объяснять это следствием коммунистической пропаганды и страхом,

порождённым тоталитарным государством.

Но невероятная оборона Сталинграда в 1942 году стала для немцев окончательным доказательством иррациональности русских. Это было для них сродни извращению, они не находили никакого смысла в этом самоубийственном сопротивлении. Зачем бороться, если победить невозможно? Зачем умирать, если можно выжить?

Вот несколько оценок, взятых из писем немецких солдат и офицеров, о защитниках Сталинграда и русском характере в целом.

1 сентября: «*Неужели русские действительно собираются воевать на самом берегу Волги? Это сумасшествие*».

8 сентября: «*Нездоровое упрямство*».

11 сентября: «*Фанатики*».

13 сентября: «*Дикие звери*».

16 сентября: «*Варварство... это не лю-*

ди, а дьяволы».

26 сентября: «Варвары, они используют бандитские методы».

27 октября: «Русские — не люди, это какой-то тип созданий из железа; они никогда не устают и не боятся огня».

28 октября: «Каждый солдат смотрит на себя как на уже приговорённого человека».

Немецкой «высшей расе», арийцам, было никак не понять, что сопротивление русских вызывало наличие у них некоторой огромной, фундаментальной ценности.

Англосаксы оказались в этом отношении более прозорливыми. Западные писатели и психологи пришли к выводу, что «никогда, кажется, в истории России не было периода, в котором таким явным образом все народные силы, все ресурсы, вся воля

страны были бы направлены на защиту национального бытия... Всё: экономическая и политическая структура страны, быт её граждан, её социальное устройство, её чудовищная индустрия, её административные методы, её пропаганда — всё это как будто было создано гигантской волей к жизни».

Это было хорошее объяснение, но всё ещё не ключевое. Потому что эта гигантская воля к жизни была не индивидуальной, что естественно для англосаксов (вспомним «Волю к жизни» Джека Лондона), а именно коллективной, всенародной.

Но и это не конечное определение. Ибо надо понять, что лежит в основе этой народной воли к жизни, что является источником беззаветной борьбы русских против немецкого, да и любого порабощения?

Такое определение не могли дать западные умы, его могли дать только сами русские в лице их великих писателей, поэтов, мыслителей. Об этом говорил великий Гоголь устами своего Тараса Бульбы: «*Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе. . . Нет, так любить никто не может!*»

Русские солдаты в те страшные два первые года войны отступали, но не сдавались. Они сражались, даже не надеясь выжить. Но им в конечном итоге было не страшно умирать, потому что они любили свою страну, своё Отечество больше, нежели самих себя. Для них важнее была Россия, чем собственная жизнь.

И ещё — тогда русскими, сынами России считали себя все — и украинцы, и белорусы.

И они вместе защищали свою общую Родину.

Что ж, в чём-то украинские мифотворцы правы: история России — это действительно история смешения наций и национальностей. Само имя *рус* говорит о скандинавских корнях. Славяне, финно-угры, тюрки, монголы и многие другие сложили наш народ генетически и этнически, а самое главное — из этого сплава родилась особая народная душа, выстраданная невероятной кровью и невероятным трудом. Слившись, эти этносы создали суперэтнос русских, который, в свою очередь, создал супердержаву с тысячелетней историей.

Хотят украинцы оборвать связующие их с Россией исторические корни — бог им судья. Но пусть помнят предупреждение того же Тараса Бульбы: «*Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь из-*

валился он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснётся оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело».

Вот только простит ли русский тех, кто отрёкся от своего родства с ним?

Юрий Бардахчиев